

Цзю Линь пнул его совсем не сильно, но Цзи Няо всё равно жалобно прильнул к нему: — Какое же у вас, генерал, жестокое сердце.

— Сгинь. — Цзю Линь снова хотел пнуть его, но в конце концов стерпел.

И то верно: пнешь его, а он потом опять полезет, требуя, чтобы его утешали, — к чему лишние хлопоты?

— Раз уж собрался со мной в армию, вставай и переодевайся, — ворча, произвел Цзю Линь. Сам он приподнялся и, взглянув на валявшиеся на полу обрывки тряпья, в которых с трудом угадывалась одежда, почувствовал, что в глазах у него темнеет.

Это одеяние...

О том, чтобы надеть его, не было и речи; но даже если бы оно уцелело, показываться в таком виде на людях — сплошной позор.

Заметив, как Цзю Линь замер перед обрывками, Цзи Няо усмехнулся: — Мы с генералом почти одного телосложения. Если генерал не брезгует, не соизволит ли для начала надеть мое?

— Ладно уж, — ничего не оставалось делать Цзю Линю. Не идти же на улицу в этом рваньё.

— Хорошо, — Цзи Няо сел на постели и снова прильнул к нему: — Скажи, генерал, какое платье мне надеть, когда мы поедem в армию?

Молодой главный секретарь прижался к спине Цзю Линя, обнял его за талию и тихонько спросил.

— Да голым ступай, — со злостью бросил Цзю Линь. — Такой взрослый, а всё выбираешь, во что рядиться, словно за тебя некому подумать?

— Хочу, чтобы генерал сам мне выбрал.

В юности Цзи Няо ангелом не был: с малолетства скитался по цзянху, промышляя чем попало среди самых темных людишек, так что о стыде и чести он и вовсе не слыхивал.

Сейчас же, когда возлюбленный был у него в объятиях, грех было не поластиться и не попрактиковаться в нежностях, вымаливая у генерала ласку.

Генерал Цзю отроду отличался чистым и прямым нравом, да только угораздило его в юношеские годы случайно повстречать и разглядеть этот нежный цветок, едва не

растоптанный конскими копытами в разгар бури, — и с той поры пропала его жизнь.

И вот теперь, прекрасно понимая, что перед ним отнюдь не праведник, стоило лишь увидеть рябь в его омутах-глазах и жалкий, умоляющий вид, как Цзю Линь с головой погрузился в омут этой красоты, не в силах выплыть обратно.

В конце концов Цзю Линь подобрал с пола верхнее халатея Цзи Няо, накинул на плечи и, поддерживая ныющую поясницу, поднялся с постели: — Где одежда?

Он повернулся к бесстыднику, который всё еще с улыбкой разглядывал его с кровати.

Цзи Няо улыбался так, будто объелся сметаны: — Генерал в моем халате выглядит еще краше. Так бы и завалил.

— Сгинь, — сердито буркнув, Цзю Линь наклонился, подхватил штаны и швырнул их прямо в лицо Цзи Няо, прикрыв эту физиономию, от которой у него каждый раз замирало сердце. — Будешь ты мне одежду выбирать или нет? А то завернись в одеяло — так и выйду!

Цзи Няо стащил с лица штаны, хмыкнул и благоразумно решил не испытывать судьбу: — Буду, буду. В левом шкафу парадные одежды, в правом — повседневные. Выбирай что душе угодно, мне всё понравится.

Цзю Линь фыркнул и распахнул правый шкаф: от обилия сплошного белого цвета у него даже в груди защемило: — Цзи Чанъянь, у тебя целый шкаф белого! И что мне тут выбирать прикажешь?

Главный секретарь министерства, обладающий реальной властью чиновник третьего ранг — и забивает шкаф белыми нарядами!

Решил подражать Лю Юну и прослыть белым министром?

Только вот указов писать стихами за ним не водилось!

Цзю Линю так и хотелось выругаться: не простолюдин ведь, и по трауре не положено — к чему столько белизны?!

Он твердо решил: как только переселится сюда, выбросит к чертям всё это белое убранство и заменит на пестрое, всех цветов радуги!

Цзи Няо неторопливо натянул штаны, встал с постели и с обнаженным торсом направился к нему. По привычке обхватив Цзю Линя со спины, он положил подбородок ему на плечо: — Так фасоны-то разные.

— ...

Цзю Линь несколько раз глубоко вздохнул: — Других цветов нет?

— Есть, — Цзи Няо потерся о его плечо подбородком и с вредной ухмылкой чуть сдвинул воротник одежды: — В дальнем шкафу найдется синий, в кабинете — красный, а во внутренней комнатке...

— Всё, заткнись, я понял, что добра у тебя навалом, — с каменным лицом оборвал его Цзю Линь.

Ишь ты, устроил тут расстановку по стихиям У-син?

Каждый шкаф — под свой цвет?

Он протянул руку и принялся перебирать вешалки, наконец выудил белое одеяние с высоким воротником, запахом внахлест и вышитыми темным серебром узорами бамбука, швырнул его Цзи Няо и справился: — Где украшения?

— Благодарю генерала за заботу, — Цзи Няо разжал руки на талии Цзю Линя, принял одежду и с улыбкой отвесил поклон.

Затем он добавил: — В среднем ящике всё самое ходовое, но если генералу покажется мало, можно велеть принести еще.

Цзю Линь выдвинул ящик — тот доверху был забит нефритовыми подвесками; открыл соседний — другой ломился от ароматных мешочков; выдвинул третий — там лежали чехлы для вееров...

Любая вещица стоила не меньше сотни золотых.

Что уж говорить о ящике с нефритом: каждый камень отличался безупречной резьбой и мягким, теплым матовым блеском — истинные сокровища без единого изъяна.

Он молча выудил оттуда медово-желтое хотанское нефритовое кольцо-би и парный к нему вышитый гладью по узорчатому шелку облаков и журавлей ароматный мешочек, после чего протянул всё это Цзи Няо.

И так же молча задвинул ящики.

А парень-то богат... Не напроситься ли к нему в спонсоры, пусть подкинет денег на армейское жалование?

Денег-то у него нет, но он ведь может рассчитаться натурой.

Оставалось лишь радоваться, что главный секретар Цзи не владеет искусством чтения мыслей, иначе он тут же заставил бы генерала Цзю подписать расписку:

Требуй сколько угодно золота, лишь бы позволил лечь рядом.

Цзю Линь привык годами пропадать в степях и на заставах, где свищут песчаные бури, да и сам он смугл лицом, поэтому белого цвета обычно избегал.

Но раз уж весь шкаф состоял из белого, пришлось следовать местным обычаям. Поколебавшись, он выбрал белый халат с высоким воротником, запахом внахлест и вышитыми хризантемами в круглых медальонах, и облачился в него.

Дело было вовсе не в особой любви к высоким воротникам — просто шея сплошь покрыта алыми следами от поцелуев, и если не прикрыть их, будет стыдно людям в глаза смотреть.

К слову, к замысловатым украшениям он не привык, а потому возиться с ними поленился.

Цзю Линь только успел завязать завязки, как Цзи Няо снова потерся рядом: — Добрый генерал, завяжи мне пояс?

Делать было нечего, Цзю Линь затянул на нем кушак, подвесил нефрит с мешочком, отступил на шаг и окинул взглядом стоявшего перед ним человека.

Красив. До чего же красив.

Белое одеяние сидело на нем так, будто распустившиеся в утреннем тумане цветы груши — чинно, изящно и непорочно; этот наряд идеально гармонировал с его лицом, способным выглядеть и соблазнительно, и невинно, лишь подчеркивая его чистую привлекательность.

Безупречный крой подчеркивал стройную и пропорциональную фигуру.

А вышитые на ткани стебли бамбука придавали его облику утонченную книжную благородство и аристократизм.

Молодой главный секретар чуть приподнял уголки губ, улыбаясь мягко и нежно: — Наряд генерала так и вовсе составляет со мной пару.

Цзю Линь опустил взгляд на собственные одежды и в тот же миг покраснел.

Слива, орхидея, бамбук и хризантема — как же тут не пара!

Он думал лишь о том, как бы прикрыть горло, и совершенно упустил это из виду.

Впрочем, в армейском лагере сплошь грубые вояки, вряд ли кто-то станет додумывать лишнее, верно?

Утешал себя Цзю Линь.

Переодеваться во что-то другое было уже откровенно неудобно: мало того что времени в обрез, так он еще и не рискнул бы раздеваться перед этим хмырем.

Иначе он боялся вообще из комнаты не выйти.

Заметив, как густо покраснел Цзю Линь, Цзи Няо тихонько рассмеялся.

Он подошел к шкафу, выдвинул ящик и, отыскав украшения, точь-в-точь повторявшие его собственные, с улыбкой спросил: — Позволь генералу прикрепить?

Взгляд у него был чистым и мягким, и у Цзю Линя не нашлось сил сопротивляться — он с пылающим лицом кивнул.

Ладно уж. Обнаружат — так обнаружат.

От судьбы не уйдешь.

Генерал Цзю, от одного имени которого у врагов на границе кровь стыла в жилах, впервые в жизни чувствовал себя школьником, списавшим на экзамене и дрожащим от страха перед учителем: было и страшно до жути, и в то же время волнующе.

Будь что будет, он сдался.

<http://bllate.org/book/22361/2344379>